1-й экз.

1900 год VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТЯБРЬ

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. О природѣ Рентгеновыхъ лучей. *Б. Вальтера*, пер. *О. Минора*. 1653
II. О чемъ повѣствуетъ лѣсъ. Проф. *Кона*, пер. *А. Филипповой* 1662
III. Бачебазство въ Средней Азіи. *В.* 1678
IV. Вопросы воздухоплаванія. *К. Ціолковскаго* 1689
V. Сѣверные славяне и борьба съ германскимъ духомъ. Проф. *Гирта* 1707
VI. Замѣтки читателя по поводу упраздненія Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. *Н. Карелина* 1721
VII. Доброе старое время въ Ливоніи. *В. Ульриха.* (Окончаніе) 1736
VIII. Историческій матеріализмъ и практическій идеализмъ. *Сади Гунтера* 1759
IX. Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли. *С. Грузенберга.* (Окончаніе) 1775
X. Итоги полемики о цѣнности. *М. Филиппова* 1793
XI. Земельная неурядица въ Закавказьи. Кн. *Г. Туманова.* 1810
XII. Масарикъ противъ Маркса. *П. Берлина* 1840
XIII. Научныя новости:
1. Попытка опредѣленія спектрографическимъ путемъ скорости вращенія Венеры (Astr. Nachr.). 2. Отношеніе между грибами и водорослями (Amer. Nat.) 1845
XIV. Новыя книги:
1. Л. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ. *С. Семенова.* 2. А. Велицынъ. Торжество соціализма. *П. Берлина* 1850
XV. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.
XVI. Приложенія:
1. Берне. Полное собраніе сочиненій. (Окончаніе).
2. XIX вѣкъ: Очеркъ исторіи естественныхъ наукъ. *Осборна* и *Даннемана.* Успѣхи отдѣльныхъ народностей. Проф. *Филиппсона.* Листы 10 и 11.

такъ какъ только въ этотъ періодъ создалось необходимое предварительное условіе для сословія обяръ и князей. Славянскія массы, жившія на югѣ, характеризуются, какъ разбойническія орды на самой низкой степени развитія. Но еще неизвѣстно, достовѣрны ли изслѣдованія иныхъ писателей. То, что одному кажется грубостью, то другой называетъ простотой. Славяне на югѣ могли быть просты и грубы, какъ большинство первобытныхъ народовъ, но они были сильны и здоровы и являлись продуктомъ ихъ хозяйственнаго строя со всѣми преимуществами и слабостями вызванными имъ. Конечно, по ихъ жизни мы не можемъ заключить о бытѣ славянъ въ Германіи. Нѣтъ никакой надобности представлять себѣ всѣ славянскія племена на одинаковой ступени развитія, скорѣе можно себѣ представить обратное. Какое большое различіе было между близкими сосѣдями франками и саксами, несмотря на ихъ общее германское происхожденіе! Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ древняя Саксонія выглядѣла такъ, какъ теперь западъ сѣверной Америки. Къ тому же у насъ есть весьма правдоподобныя объясненія отсталости южныхъ славянъ постоянными соприкосновеніями съ дикими тюркско-угорскими племенами, которыя цѣлыя столѣтія держали въ подчиненіи южную Россію, отъ Кавказа до Дуная, и отдѣлили южанъ отъ сѣверныхъ сородичей. Культурно-историческое вліяніе соприкосновенія съ низшими посторонними элементами не является исключительной ее чиной отсталости южныхъ славянъ. Скорѣе всего, они поселились въ области, отрѣзанной уже въ древности отъ великаго культурнаго потока. Населеніе Далмаціи, Иллиріи и другихъ балканскихъ земель считалось уже въ древности варварскимъ. Въ эти области цивилизація проникаетъ гораздо позже, чѣмъ куда либо.

Проф. **М. Гиртъ.**

Замѣтки читателя по поводу „упраздненія“ Туганомъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Жизни“ за 1900 годъ, П. Б. Струве, упразднивъ, на свой взглядъ, теорію трудовой цѣнности Маркса посредствомъ „reductio ad absurdum“ ученія объ уровнѣ прибыли, обѣщаетъ приступить, вмѣстѣ съ другими представителями „критическаго направленія въ русской литературѣ“, къ задачѣ „вставить... въ широкую и грандіозную рамку соціологическихъ обобщеній Маркса“ нѣчто совершенно отличное отъ той картины, которая наполняетъ эту рамку у самаго Маркса.

Съ неменьшей рѣшительностью упраздняетъ теорію прибыли, а за нею и трудовой цѣнности Маркса, также и М. И. Туганъ-Барановскій, предлагая въ замѣну свою собственную теорію прибыли, составляющую одно цѣлое съ его теоріей рынковъ, признаваемой отчасти и нѣкоторыми другими изъ нашихъ экономистовъ. Такое рѣшительное нападеніе на ученіе Маркса двухъ видныхъ представителей нашего „критическаго направленія“ должно было привлечь къ себѣ вниманіе. Оба названные нами автора желаютъ слышать голосъ лишь „самостоятельной“ критики, занимающейся „взвѣшиваніемъ и анализомъ высказанныхъ ими идей“, строго предостерегая послѣдователей Маркса отъ вреда „перефразировки и повторенія“... „всѣмъ извѣстной догмы“ его ученія. Отвѣтами на свою статью въ майской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ Туганъ-Барановскій остался недоволенъ какъ „чисто формальными и не затрогивающими сущности дѣла“.

Я не болѣе какъ „читатель“ въ области политической экономіи. Читатель въ томъ смыслѣ, что никогда не занимался спеціальной разработкой того или другого ея отдѣла, никогда не разсматривалъ подолгу въ микроскопъ различныхъ формулъ или схемъ, встрѣчающихся въ „Капиталѣ“, изолировавъ эти схемы отъ общаго содержанія книги. Для меня ученіе Маркса всегда имѣло

значеніе лишь въ его цѣломъ, какъ теоретическое отраженіе и—тѣмъ самымъ—объясненіе дѣйствительности. „Формальными“ мои замѣтки не будутъ, но не будутъ онѣ отличаться и той самостоятельностью, которая, что касается до упраздненія ученія Маркса о паденіи уровня прибыли, заключается у занимающихъ насъ писателей въ игнорированіи смысла этого ученія ради разрушительныхъ упражненій надъ схемами и формулами, отдѣленными отъ выраженнаго въ нихъ содержанія. Напоминаніе объ этомъ содержаніи Струве и Туганъ-Барановскій сочтутъ вѣроятно вредной „перефразировкой“. Я мало надѣюсь убѣдить критиковъ. Но мои замѣтки имѣютъ другую цѣль.

Сферой „чистой“, спеціальной науки значеніе теоріи Маркса никогда не ограничивалось. Эта теорія важна не для однихъ спеціалистовъ по политической экономіи. На свѣтѣ много такихъ же, какъ я, читателей. Я надѣюсь, что нѣкоторымъ изъ такихъ читателей мои замѣтки помогутъ „взвѣсить и проанализировать“ тѣ способы, посредствомъ которыхъ созданы такъ громко провозглашенныя ошибки и антиноміи Маркса.

Сама по себѣ новая теорія рынковъ не составляетъ предмета моихъ замѣтокъ, но такъ какъ Туганъ-Барановскій совершенно правъ, указывая Нежданову на ея неразрывную связь со своей теоріей прибыли, такъ какъ и возраженія Марксу и теорія прибыли прямо-таки вытекаютъ у него изъ теоріи рынковъ, какъ ея необходимое дополненіе, то мнѣ приходится коснуться мимоходомъ и теоріи рынковъ.

Эта теорія, выросшая на почвѣ полемики противъ взглядовъ гг. В. В. и Н—она, говоритъ намъ о независимости капиталистическаго производства отъ внѣшняго для него рынка, въ смыслѣ ли заграничнаго вывоза, или въ смыслѣ третьихъ лицъ — некапиталистическихъ производителей внутри страны. Очевидная и безусловная необходимость внѣшнихъ рынковъ для существующихъ капиталистически развитыхъ странъ выросла изъ ихъ спеціализаціи на извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Предполагается, что если бы капиталы и рабочіе распредѣлялись пропорціонально между всѣми отраслями промышленности, эти отрасли служили бы рынкомъ другъ для друга, и общая сумма продуктовъ развивающей свое капиталистическое производство страны могла бы также расти, какъ росла при работѣ на всемірномъ рынкѣ.

Это, конечно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Вытѣснивъ продукты своихъ собственныхъ производителей съ національнаго рынка, англійская промышленность продолжала такое же вытѣсненіе на всемірномъ рынкѣ и могла удваивать и утраивать свое производство въ такую эпоху, когда англійское потребленіе какъ мѣстныхъ, такъ и привозныхъ продуктовъ, скорѣе

падало, чѣмъ росло. Работая же исключительно на національный рынокъ, англійскій капитализмъ былъ бы вынужденъ сообразовать свой ростъ съ ростомъ потребленія жителей Англіи.

Но крайній и единственный интересующій насъ здѣсь видъ этой теоріи отрицаетъ зависимость роста капиталистическаго производства—не отъ внѣшнихъ рынковъ только, а также и отъ внутренняго спроса на предметы потребленія. Пропорціонально-распредѣленное производство средствъ производства можетъ само для себя служить рынкомъ и благополучно расти при уменьшеніи производства предметовъ потребленія. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ цѣлью производства является не потребленіе, а прибыль. Возможность возрастанія отдѣла: „средства производства“, на счетъ отдѣла: „средства потребленія“ видна изъ извѣстныхъ схемъ общественнаго воспроизводства.

Эти схемы, предназначенныя у Маркса для выясненія совсѣмъ иного вопроса, играютъ въ нашей литературѣ о рынкахъ огромную, но едва ли подобающую имъ роль. Съ ними можно продѣлывать что угодно и показывать самыя противоположныя вещи.

1-й отд.	Средства производства	4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000
2-й отд.	„ потребленія рабочихъ. . . .	1000 c + 250 v + 250 m = 1500
3-й отд.	„ „ капиталистовъ. .	1000 c + 250 v + 250 m = 1500

Попробуемъ уменьшить въ каждомъ отдѣлѣ перемѣнный капиталъ вдвое, — а можно и сразу вдесятеро — и остальную половину, или $^9/_{10}$ приложимъ во всѣхъ отдѣлахъ къ постоянному капиталу того же отдѣла, а затѣмъ всѣ числа второго отдѣла уменьшимъ вдвое или вдесятеро, а всѣ остатки приложимъ къ соотвѣтствующимъ числамъ 1-го отдѣла, и — какъ видите — всѣ части всѣхъ отдѣловъ попрежнему находятъ свой эквивалентъ.

1-й отд.	Средства производства	6002½ c + 122½ v + 1225 m = 7350
2-й отд.	„ потребленія рабочихъ . .	122½ c + 2½ v + 25 m = 150
3-й отд,	„ „ капиталист. .	1225 c + 25 v + 250 m = 1500

Такія же операціи можно продѣлать, разумѣется, и съ постояннымъ капиталомъ и съ прибылью, можно производить между ними различныя комбинаціи. Да мало ли что можно дѣлать! Нужно только соблюдать „пропорціональность“ и все останется въ порядкѣ. Но какой бы порядокъ ни царствовалъ въ мірѣ схемъ, какими бы аргументами намъ ни пытались доказать, что производство средствъ производства можетъ увеличиваться при уменьшеніи производства предметовъ потребленія, мы можемъ только повторить отвѣтъ Вольтера физіократамъ, утверждавшимъ, что одно лишь земледѣліе приноситъ чистый доходъ: нѣтъ, хотя бы самъ Богъ сказалъ противное, міръ не сдѣланъ изъ стекла!...

Не могу также и я не видѣть, что сокращеніе производства

пищи, одежды, обуви, утвари, мебели и проч. неизбѣжно ведетъ за собою сокращеніе производства пряжи, хлопка, льна и шерсти зерна и топлива, желѣза, красокъ, и проч. и проч. За этимъ не можетъ не послѣдовать прекращеніе производства основного капитала для всѣхъ этихъ закрывшихся производствъ, элементовъ оборотнаго капитала, а слѣдовательно—сокращеніе металлургической и каменноугольной промышленности и основного капитала этой промышленности. Все это должно закончиться сокращеніемъ производства машинъ, дѣлающихъ машины, вплоть до самыхъ вершинъ этой машиностроительной іерархіи. Всѣ эти сокращенія должны сопровождаться новымъ уменьшеніемъ потребленія, что, вмѣстѣ съ сокращеніемъ торговли и перевозки товаровъ, должно вызвать новую волну сокращеній производства по всей линіи. И чѣмъ „пропорціональнѣе“ и „независимѣе“ представимъ мы себѣ капиталистическое хозяйство, тѣмъ чувствительнѣе должны быть всѣ его отдѣлы къ уменьшенію производства предметовъ потребленія. „Пропорціональность“-то и требуетъ, при такомъ уменьшеніи, сокращенія всѣхъ отдѣловъ, создающихъ средства производства Не подлежитъ сомнѣнію, что цѣлью капиталистическаго производства является не потребленіе, а прибыль, но производить *средства* для отсутствующаго производства было бы занятіемъ *нецѣлесообразнымъ* и прибыли не принесло бы.

Туганъ-Барановскій видитъ подтвержденіе своей теоріи въ новѣйшемъ фазисѣ промышленнаго развитія Англіи. Ея текстильная промышленность перестала расти, тогда какъ машиностроительное производство, химическое, обработка металловъ, добыча каменнаго угля и другія отрасли промышленности, создающія средства производства, продолжаютъ расти. Само по себѣ это обстоятельство говоритъ лишь о томъ, что рядомъ съ Англіей существуютъ страны, употребляющія англійскія средства производства для изготовленія своихъ предметовъ потребленія, часть которыхъ получалась прежде изъ Англіи. Видѣть въ этомъ какое-то подтвержденіе новой теоріи, должно быть, помогаетъ положеніе: „продукты обмѣниваются на продукты“, но лишь взятое совершенно абстрактно, такъ какъ, при попыткѣ вложить въ него конкретный смыслъ, оно для теоріи рынковъ тотчасъ же теряетъ всякое значеніе.

Какъ бы тамъ ни было, теорія существуетъ, а разъ она существуетъ, ей нужно показать, что производительность труда можетъ расти, не увеличивая количества продуктовъ (средства производства могутъ разростаться при неизмѣнномъ, или падающемъ потребленіи), а машины могутъ замѣнять рабочихъ, не уменьшая ни издержекъ производства, ни прибыли (уменьшеніе издержекъ при неизмѣнности продукта, равняется уменьшенію капитала, а паденіе уровня прибыли, не вознаграждаемое ростомъ ея массы,—паденію капитализма).

Всѣмъ этимъ надобностямъ удовлетворяетъ—фабрикантъ шелковыхъ тканей, открывающій „основную ошибку абстрактной теоріи капитализма Маркса“. Онъ отпустилъ половину своихъ рабочихъ и пріобрѣлъ такіе механическіе станки, при которыхъ издержки производства прежняго количества продукта ничуть не понизились.

Туганъ-Барановскій полагаетъ, что по теоріи Маркса прибыль этого фабриканта должна пасть, а между тѣмъ: „предложеніе тканей остается прежнимъ, спросъ также — нѣтъ никакого основанія предполагать его измѣнившимся. Слѣдовательно, и цѣна ткани не испытаетъ перемѣны“. Рынокъ, по справедливому замѣчанію автора, даже и не замѣтилъ происшествія на шелковой фабрикѣ. „А если такъ, то и процентъ прибыли шелковаго фабриканта останется совершенно такимъ же, какъ и до замѣщенія части перемѣннаго капитала постояннымъ, ибо всѣ расходы фабриканта тѣ-же, и выручка та-же, что и раньше. Такъ говоритъ простой здравый смыслъ и ежедневный опытъ“. Совершенно вѣрно. Ободренный очевидной убѣдительностью своего примѣра, Туганъ-Барановскій переходитъ къ цѣлой странѣ. Ея производство выражалось сперва въ схемѣ: $100\,c + 200\,v + 200\,m = 500$. Затѣмъ ея предприниматели, опять таки безъ уменьшенія издержекъ производства того-же количества продукта, замѣняютъ половину рабочихъ машинами: $200\,c + 100\,v + 200\,m = 500$, и рынокъ опять ничего не замѣчаетъ... Ни простой здравый смыслъ, ни ежедневный опытъ этого, положимъ, уже не говорятъ. Если у человѣка выпадетъ одинъ волосъ, то очевидно, что этого никто не замѣтитъ, но, разъ человѣкъ потеряетъ всѣ волосы или хотя половину, ежедневный опытъ говоритъ намъ, что онъ сдѣлается плѣшивымъ.

Посмотримъ, какимъ образомъ, вопреки вѣковому опыту капиталистическаго производства, страна Туганъ-Барановскаго или его шелковый фабрикантъ ухитрился удвоить производительность труда рабочихъ, не понизивъ своихъ издержекъ?

Постоянный капиталъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ основного, передающаго продукту часть своей цѣнности, но не входящаго въ него матеріально, и изъ сырья (въ данномъ случаѣ шелка), цѣликомъ входящаго въ продуктъ и матеріально и по цѣнности — это самъ продуктъ въ недоконченномъ состояніи. Предположимъ, что до переворота станки составляли въ передаваемой продукту цѣнности постояннаго капитала $^1/_4$, т. е. 25 еди-

ницъ цѣнности, а 75 стоилъ шелкъ. Шелкъ и послѣ переворота больше 75 единицъ цѣнности стоить не можетъ, такъ какъ количество продукта осталось прежнимъ, слѣдовательно, новые станки стоятъ впятеро дороже старыхъ, хотя соткать на нихъ можно лишь то-же самое количество ткани. Вмѣсто 25 единицъ цѣнности они передаютъ теперь тому-же самому продукту 125 единицъ.

Считая несостоятельность ученія Маркса о прибыли уже доказанной предыдущими примѣрами, Туганъ-Барановскій спрашиваетъ себя: „Въ чемъ же заключается ошибка Маркса?“ и находитъ ее въ томъ, что „Марксъ очень часто говоритъ о вліяніи на норму прибыли возрастанія производительности труда, но при этомъ онъ всегда разумѣетъ подъ такимъ возрастаніемъ уменьшеніе затраты капитала на производство единицы продукта. Но измѣненіе производительности труда, зависящее *только* отъ измѣненія сложенія капитала, при неизмѣнности издержекъ производства единицы продукта, не изслѣдовано Марксомъ. Отсюда и вытекаетъ основная неправильность построенія Маркса...“

Въ рядѣ схемъ, приведенномъ Туг.-Барановскимъ изъ 13-й главы III т. „Капитала“, нѣтъ схемы, соотвѣтствующей его шелковому фабриканту, но въ 15-й главѣ того-же тома совершенно аналогичный примѣръ разсматривается въ дополнительныхъ поясненіяхъ къ тому общему положенію, что *соразмѣрно* съ ростомъ производительности труда растетъ лишь масса сырья, лишь *оборотная* часть постояннаго капитала, но *не основная*. Хотя машины при увеличивающейся массивности (вслѣдствіе увеличенія размѣровъ производства, увеличенія той *массы* сырья, для обработки которой онѣ предназначаются) и становятся абсолютно дороже, но относительно онѣ дешевѣютъ. Если пять рабочихъ производятъ товаровъ вдесятеро больше прежняго, то отъ этого затраты на основной капиталъ не удесятеряются (у Туг.-Барановскаго онѣ удесятеряются, когда 5 рабочихъ производятъ товара лишь вдвое больше прежняго), онѣ возрастаютъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда, но далеко не соразмѣрно съ этимъ ростомъ.

Что иначе и быть не можетъ, разъясняется на примѣрѣ машины, которая, вдвое сокращая живой трудъ, въ то-же время втрое увеличивала-бы цѣнность, передаваемую единицѣ продукта ея собственнымъ изнашиваніемъ и въ общемъ оставляла-бы издержки производства прежними. Не удешевляя товара, такая машина въ капиталистическомъ хозяйствѣ не представляетъ усовершенствованія, капиталисту нѣтъ никакого интереса ввести ее. Распространиться она не можетъ потому уже, что въ прямой убытокъ—обезцѣнивала-бы, превращая въ ломъ, еще не изношенныя, дѣйствующія машины, а такихъ „утопическихъ глупостей“

капиталисты не дѣлаютъ[1]). Сокращеніе труда само по себѣ, ради досуга, могло интересовать самостоятельныхъ производителей; къ нему будетъ всѣми силами стремиться планомѣрно хозяйничающее общество, капиталисту-же интересно не сокращеніе живого труда, а лишь сокращеніе издержекъ. Туг.-Барановскій находитъ нужнымъ „изслѣдовать явленіе въ наиболѣе чистомъ видѣ — изслѣдовать, какъ вліяетъ замѣщеніе перемѣннаго капитала постояннымъ само по себѣ“, безъ уменьшенія издержекъ производства. Онъ изслѣдуетъ вліяніе на уровень прибыли такого явленія, которое „само по себѣ“ станетъ возможнымъ (какъ общественная тенденція, а не личный капризъ)... лишь съ исчезновеніемъ капиталистической прибыли.

Но капиталистъ Туг.-барановскаго дѣйствуетъ не по экономическимъ разсчетамъ, а лишь по злобѣ. Онъ желаетъ „избѣгнуть непріятности“ и мѣтъ дѣло съ рабочими. Такъ какъ „механически“ прибыль падаетъ лишь у схематическаго Маркса, противъ котораго борятся теперь Струве и Туг.-Барановскій, у реальнаго-же Маркса—механизмомъ, вырабатывающимъ изъ роста производительности труда паденіе прибыли, служитъ конкурренція, борьба за спросъ, а сердитый фабрикантъ ее не задѣлъ, то по обычнымъ экономическимъ причинамъ его прибыль не потерпитъ урона. Достигнетъ-ли онъ той нравственной цѣли, къ которой стремится — это другое дѣло. Еще въ шелковомъ-то производствѣ—куда ни шло, но устрой онъ такую штуку въ одной изъ отраслей англійской промышленности, гдѣ существуютъ рабочіе союзы, секретари которыхъ прекрасно знаютъ условія промышленности и тотчасъ проникли-бы въ мотивы фабриканта, ему дорого пришлось-бы поплатиться за свою продѣлку — даже и со стороны прибыли, а ужъ душевнаго-то удовлетворенія навѣрное пришлось-бы ждать до обезьянъ, о которыхъ зри у Тугана-Барановскаго [2]).

Никакихъ иныхъ аргументовъ, кромѣ все того-же замѣщенія рабочихъ машинами „caeteris paribus“, не приводитъ Туг.-Барановскій и во второй своей статьѣ, озаглавленной „Трудовая цѣнность и прибыль“ [3]).

Разсмотримъ его собственное ученіе объ уровнѣ прибыли,

---

[1]) На томъ, что машина всегда стоитъ меньше замѣняемой ею рабочей силы, Марксъ неоднократно настаиваетъ и въ I томѣ и въ другихъ мѣстахъ III-го. Я „повторяю всѣмъ извѣстную догму“. Это, разумѣется, скучно, но вѣдь очевидное *не*-паденіе прибыли шелковаго фабриканта поставлено во главу угла всего крушенія теоріи Маркса. Какъ-же не напомнить читателю, что Марксъ изслѣдовалъ тенденціи существующаго капиталистическаго строя, а не „стекляннаго дворца“, который созданъ и изслѣдуется Туг.-Барановскимъ?

[2]) Май 1899 г. Н. О. „Основная ошибка“.

[3]) Мартъ 1900 г. „Н. О.“.

въ заключеніе котораго онъ цѣлыми четырьмя строчками курсива подчеркиваетъ свое торжество надъ Марксомъ.

„Отъ какихъ-бы причинъ ни зависѣла цѣнность продуктовъ... распредѣленіе продукта между отдѣльными общественными классами совершается при посредствѣ цѣны. Какъ предметы, имѣющіе цѣну, всѣ продукты соизмѣримы другъ съ другомъ. Весь общественный продуктъ распадается на три части: одна идетъ на возстановленіе средствъ производства, другая на потребленіе рабочихъ и третья поступаетъ въ распоряженіе нетрудящихся классовъ. Чѣмъ опредѣляется доля нетрудящихся классовъ? Очевидно, высотой двухъ другихъ долей—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочихъ. Если доля рабочихъ и средствъ производства *въ суммѣ* останется неизмѣнной, то и доля нетрудящихся классовъ не можетъ измѣниться, *какъ-бы ни измѣнялась доля рабочихъ*. Допустимъ, что доля средствъ производства = 1/4 всего продукта, доля рабочаго класса 1/2 и доля нетрудящихся классовъ 1/4. Пусть доля рабочаго класса сократится вдвое, а доля средствъ производства соотвѣтственно возрастетъ. Въ такомъ случаѣ на долю рабочаго класса придется 1/4 продукта, на долю средствъ производства — 1/2. Но такъ какъ доля рабочихъ и средствъ производства въ совокупности не измѣнилась, то и доля нетрудящихся классовъ должна остаться неизмѣнной. *Отсюда ясна мнимость закона Маркса о паденіи нормы прибыли. Замѣщеніе рабочаго машиной, caeteris paribus, никакого вліянія на долю капиталистовъ, а, слѣдовательно, и на норму прибыли не оказываетъ*“ [1]).

Какимъ-же способомъ достигается здѣсь неизмѣнность суммы общественнаго продукта, при ростѣ доли средствъ производства на счетъ доли рабочихъ? Чтобы разсмотрѣть его, изобразимъ это хозяйство въ обычной схемѣ, только при постоянномъ капиталѣ отмѣтимъ въ скобкахъ его распаденіе на основную *ос* и оборотную *об* части. Эти части мы беремъ произвольно, но ихъ относительные размѣры не измѣняютъ дѣла.

1) Средства производства 125 (25 ос. 100 об.) c + 250 v + 125 m = 500.

2) Средства потребленія рабочихъ 250 (50 ос. 200 об.) c + 500 v + 250 m = 1000.

3) Средства потребленія капиталистовъ 125 (25 ос. 100 об.) c + 250 v + 125 m = 500.

Соединенныя-же вмѣстѣ средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ равнялись 375 (75 об. + 300 ос.) c + 750 v + 375 m = 1500.

---

[1]) „Науч. Об.“ № 3 1900 г. „Трудов. цѣнн. и прибыль“.

Это при первоначальномъ составѣ капитала “[1]).

Послѣ переворота доля средствъ производства изъ 1/4 превращается въ 1/2, доля рабочихъ изъ 1/2 въ четверть, а такъ какъ доля капиталистовъ остается прежней, то въ общемъ производство предметовъ потребленія сокращается на 1/3, на 1/3-же уменьшается очевидно и количество превращаемаго въ эти предметы сырья и полуфабрикатовъ, т. е. оборотная часть постояннаго капитала въ отдѣлѣ средствъ потребленія.

1) Средства производства: 500 c + 250 v + 250 m = 1000.

2) и 3) Средства потребленія капиталистовъ и рабочихъ: 500 (300 ос. 200 об.) c + 250 v + 250 m = 1000.

Такимъ образомъ, до переворота 75 единицъ основного капитала было достаточно для обработки 300 единицъ сырья въ 1500 единицъ продукта, послѣ переворота требуется учетверенный основной капиталъ для обработки 200 единицъ сырья и производства, сократившагося на 1/3 продукта. Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно причинъ безмѣрнаго вздорожанія машинъ, пріобрѣтаемыхъ у 1-го отдѣла двумя послѣдними, мы не можемъ произвести соотвѣтствующихъ измѣненій въ отношеніи между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ въ отдѣлѣ производства средствъ производства. Но этого и не нужно для того, чтобы видѣть, что Туганъ-Барановскій, замѣнивъ рабочихъ машинами, могъ сохранить неизмѣнными, какъ общую сумму продукта, такъ и издержки производства (общую сумму долей рабочихъ и средствъ производства) лишь посредствомъ ничѣмъ необъяснимаго вздорожанія основного капитала. Именно — вздорожанія, такъ какъ для производства уменьшеннаго количества продукта, увеличеніе массы основного капитала понадобиться не можетъ.

Читатель видитъ, что это не новый аргументъ, а съ одной стороны—все тотъ-же, разросшійся въ цѣлое „общество“ фабри-

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и въ первой статьѣ Туганъ-Барановскій предполагаетъ первоначальный составъ капитала до такой степени низкимъ, что является вопросъ: не думаетъ-ли онъ, что въ его схематической утопіи отражается не только настоящее или будущее капиталистическаго строя, но и его возникновеніе? Быть можетъ и фабрикантъ шелковыхъ тканей взятъ потому именно, что въ этой отрасли не перевелись еще ручные станки? Если-бы мое предположеніе оказалось справедливымъ, то нашего автора отъ всей души поблагодарили-бы многочисленныя тѣни ремесленниковъ, въ особенности-же тѣни всѣхъ погибшихъ ручныхъ ткачей Англіи, Индіи, Силезіи. Имъ такъ пріятно было бы хотя бы въ „чарованіи красныхъ вымысловъ“ представить себѣ, что вмѣсто погубившихъ ихъ злыхъ машинъ, безмѣрно умножавшихся и удешевлявшихъ продукты, современные имъ капиталисты вводили дорогія игрушки М. И. Туганъ-Барановскаго. Съ такими игрушками не предстояло бы никакой борьбы. На нихъ можно-бы просто-на-просто не обращать вниманія

кантъ шелковыхъ тканей, съ другой-же стороны—это уже знакомая намъ теорія независимости производства средствъ производства отъ производства предметовъ потребленія.

Все остальное, имѣющее во второй статьѣ внѣшній видъ возраженій, является простымъ противопоставленіемъ взглядамъ Маркса „производительности капитала".

„Трудовая цѣнность есть не болѣе, какъ условное предположеніе—фикція, но полезная (!) фикція". Кому и почему она можетъ быть полезна, будучи фикціей, остается неизвѣстнымъ, но Марксу она была очень вредна. Подъ ея вліяніемъ „Марксъ сдѣлалъ крупную ошибку. Онъ *упустилъ изъ виду* (курсивъ мой), что реально въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ вполнѣ эквивалентенъ труду. Поэтому, замѣщеніе труда капиталомъ не можетъ вліять на норму прибыли... Норма прибыли, какъ реальное явленіе, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ строеніемъ капитала... Ошибка Маркса проистекла изъ того, что онъ *упустилъ изъ виду*, что всякое уменьшеніе доли труда въ общихъ затратахъ производства при неизмѣнности, или даже возрастаніи суммы производимыхъ продуктовъ, есть только другое выраженіе повышенія производительности труда". Словомъ, Марксъ „упустилъ изъ виду" все то, что опровергалъ въ своей „Критикѣ политической экономіи", да сверхъ того упустилъ изъ виду еще и „повышеніе производительности труда".

Что именно хочетъ сказать Туганъ-Барановскій этимъ послѣднимъ совершенно невѣроятнымъ „упущеніемъ", видно изъ слѣдующей страницы. „Повышеніе производительности труда есть ничто иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія доли труда въ общихъ затратахъ производства. Понятное дѣло, что если общій результатъ работы Петра и Ивана я считаю работой только Петра, то чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра. Марксъ повѣрилъ, что Иванъ дѣйствительно ничего не дѣлаетъ и заключилъ: если Иванъ береть на себя работу Петра — если машина замѣщаетъ рабочаго— значитъ, ихъ общая выработка сокращается. Иными словами Марксъ сталъ отрицать факты (наблюдаемые М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его стеклянномъ царствѣ); но онъ могъ-бы спасти трудовую теорію, если-бы призналъ, что, благодаря замѣщенію труда машинами, растетъ производительность труда, почему это замѣщеніе, само по себѣ, и не должно вліять на прибыль".

Само по себѣ! Caeteris paribus, т. е. все тотъ-же шелковый фабрикантъ! Не ростъ производительности труда „упустилъ изъ виду" Марксъ, а именно—этого сердитаго господина, всецѣло завладѣвшаго Туганъ-Барановскимъ. Онъ, и только онъ заставляетъ нашего автора говорить о „независимости цѣны отъ строенія капитала", о томъ, что „цѣна продукта не находится ни въ какой зависимости отъ этого строенія". Иначе, даже при глубочайшей увѣренности, что работаетъ Иванъ,—а Петръ такъ только безъ толку около него вертится, Туганъ-Барановскій, руководствуясь лишь издержками производства и исторіей промышленности, не могъ-бы не вспомнить, какъ должны были падать и дѣйствительно падали цѣны машинныхъ издѣлій (и именно падала разница въ цѣнѣ между сырьемъ и фабрикатомъ), на томъ „вульгарномъ, будничномъ рынкѣ, къ которому (язвитъ Михаилъ Ивановичъ) большинство марксистовъ питаетъ искреннее презрѣніе, и законы котораго трактуются ими, какъ нѣчто низшее и буржуазное". Независимость-же отъ строенія капитала цѣны пріобрѣтаютъ лишь на изящномъ, праздничномъ рынкѣ той почтенной страны, гдѣ „машины замѣщаютъ рабочихъ caeteris paribus" и, не сокращая издержекъ производства, могутъ вводиться лишь сердитыми господами исключительно по злости.

Мы знаемъ, чѣмъ опредѣляется по мнѣнію Туганъ-Барановскаго уровень прибыли капиталистовъ. У него есть также новая теорія самого происхожденія прибыли. Хотя эта теорія излагается не для опроверженія Маркса, а лишь въ замѣну его уже опровергнутаго по мнѣнію автора ученія, мы все-же взглянемъ на эту теорію прежде чѣмъ разстаться со статьями Туганъ-Барановскаго. Онъ разсматриваетъ все общество въ его цѣломъ, а такъ какъ совокупность всего общества не покупаетъ и не продаетъ, то богатство всего общества не зависитъ отъ цѣны. „Въ частномъ хозяйствѣ производимый продуктъ несравнимъ, по своимъ потребительнымъ свойствамъ, съ продуктами, затраченными для его производства. Въ народномъ хозяйствѣ продукты, вновь производимые и продукты потребляемые или расходуемые вполнѣ сравнимы, такъ какъ это въ общемъ, одни и тѣ-же продукты". Въ началѣ операціоннаго года общество располагало такимъ-то и такимъ-то числомъ милліоновъ пудовъ пшеницы, чугуна, желѣза, матерій и проч., и проч. Въ концѣ года оно имѣетъ всѣхъ этихъ пудовъ на 20, на 30 процентовъ больше, чѣмъ въ началѣ. Въ основѣ прибыли лежитъ простой фактъ увеличенія *количества* продуктовъ. „Почему, спрашиваетъ авторъ, совокупный общественный продуктъ цѣнится выше продуктовъ, затраченныхъ на его производство? Да потому, что путемъ, затраты даннаго количества продуктовъ, общество не только воспроизводитъ затраченные продукты, но и получаетъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ. Этотъ избытокъ расцѣнивается такимъ-же порядкомъ, какъ и затраченные продукты; такимъ образомъ возникаетъ прибавочная цѣнность. Что прибыль основывается именно на моментѣ увеличенія количества продуктовъ въ распоряженіи общества, это вполнѣ ясно, если вспомнить,

что *прибавочная цѣнность* была-бы немыслима безъ *прибавочнаго продукта*. Въ основѣ прибыли лежитъ, слѣдовательно, созданіе прибавочнаго продукта"...

„Этотъ свободный, прибавочный продуктъ частью или цѣликомъ достается владѣльцамъ средствъ производства—потому что для производства необходимъ не только трудъ, но и средства производства. Монопольное владѣніе послѣдними даетъ экономическую силу имущимъ классамъ обезпечить себѣ опредѣленную долю участія въ общественномъ продуктѣ".

Отъ другихъ теорій происхожденія прибыли его собственная теорія выгодно отличается, по мнѣнію ея автора, между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней „дѣйствительно нѣтъ ни грана этики", тогда какъ другія, въ томъ числѣ и теорія Бемъ-Баверка, стремятся доказать „законность нетрудового дохода".—„Но и теорія Маркса, хотя и въ другомъ смыслѣ, также заключаетъ въ себѣ этическій моментъ. По этой теоріи прибыль есть неоплаченная доля труда рабочаго. Но развѣ такое опредѣленіе прибыли не исходитъ изъ молчаливаго допущенія, что только рабочій имѣетъ право на продуктъ производства?" Говорить о неоплаченномъ трудѣ можно только „въ смыслѣ несоотвѣтствія дѣйствительности извѣстному этическому и правовому идеалу — праву рабочаго на всю выручку его труда"... „Обѣ теоріи этичны, односторонни и объективно невѣрны". Теорія Маркса затрогиваетъ „область желаемаго, а эта область „не есть область причинныхъ отношеній бытія, которыми только и занимается объективная наука".

А вотъ теорія Туганъ-Барановскаго свободна отъ этой ненаучности. „Она лишь объясняетъ соціальные факты, даетъ имъ научное истолкованіе—и только".

Итакъ, опредѣленіе прибыли, какъ результата неоплаченной части труда, не имѣетъ основанія въ „отношеніяхъ бытія?"

Присмотримся къ теоріи прибыли самого автора. Исходнымъ пунктомъ ея является, какъ мы знаемъ, не цѣнность продуктовъ, а ихъ количество въ пудахъ, аршинахъ, четвертяхъ, и проч. Прибыль основывается на моментѣ увеличенія этого количества: „Путемъ *затраты* даннаго количества продуктовъ общество... получаетъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ".

Что капиталистъ получаетъ свой „избытокъ" путемъ затраты даннаго количества денегъ, это съ его точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь въ теоріи происхожденія прибыли Туганъ-Барановскаго рѣчь идетъ не о цѣнностяхъ, а объ матеріальныхъ предметахъ, и не о капиталистѣ, а объ „обществѣ", состоящемъ не изъ однихъ-же капиталистовъ. Большинство-же общества, разъ рѣчь идетъ о пудахъ, отлично знаетъ, что сколько-бы пудовъ чего угодно ни было затрачено, ни малѣйшей прибавки

къ нимъ не произойдетъ, если не привести ихъ въ того или другого рода движеніе, если не подвергнуть ихъ тѣмъ, или другимъ процессамъ,—словомъ—если не приложить къ нимъ труда. Разумѣется, чтобы приложить къ раньше произведеннымъ пудамъ новую прибавку, нужны эти пуды, но сама-то прибавка есть результатъ труда, и только труда—новаго труда большинства общества, приложеннаго къ результатамъ стараго труда того-же большинства. Этотъ фактъ еще можно „упустить изъ виду", оставаясь въ сферѣ цѣнностей, такъ очевидно достающихся ихъ владѣльцамъ „путемъ затраты" капитала, но что пуды-то, если ихъ не пошевелить, могутъ только гнить да ржавѣть, а ужъ никакъ не давать прибавки — это ясно, какъ день. Итакъ „увеличеніе количества продуктовъ въ распоряженіи общества" происходитъ во время труда и посредствомъ труда. Одна доля получившихся прибавочныхъ пудовъ отдается рабочимъ, слѣдовательно—одна часть трудового времени, произведшаго новые пуды, оплачивается обладателями старыхъ, затраченныхъ пудовъ, возвращающихся къ своимъ владѣльцамъ въ сопровожденіи второй доли прибавочныхъ пудовъ, явившихся въ результатѣ второй—ничѣмъ не оплаченной части труда. Прибыль, слѣдовательно, есть продуктъ неоплаченной части труда. Туганъ-Барановскій скажетъ вѣроятно, что лишь въ марксистской фикціи „общій результатъ работы Петра и Ивана считается работой только Петра," на самомъ-же дѣлѣ неоплаченная (полученная безъ выдачи за нее эквивалента) часть новыхъ пудовъ была результатомъ работы машинъ. Но *работы*—не правда-ли? Не затраты-же? Капиталистамъ пуды ничего не стоили кромѣ затраты, имъ они достались путемъ затраты — это безспорно. Но на свѣтъ Божій пуды появились исключительно путемъ движенія, путемъ работы.

Но „человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны" напоминаетъ Туганъ-Барановскій. „Трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе".

Мысль, что, работая при помощи машинъ, люди производятъ лишь столько, сколько смогли-бы произвести, работая безъ машинъ, все-же остальное количество продукта, явившееся въ результатѣ роста такъ называемой производительности труда („чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра") сдѣлано машинами — эта мысль лежитъ въ основаніи „трудовой цѣнности", конструированной Туганъ-Барановскимъ въ его первой статьѣ. Но я думаю, что онъ выразилъ тамъ свою мысль такъ затѣйливо и назвалъ вдобавокъ ея конструированіе „трудовой цѣнностью" лишь изъ тѣхъ-же добрыхъ

чувствъ къ марксистамъ, какими руководствуется нянька, давая отнимаемому отъ груди ребенку пососать пустую соску, чтобы не слишкомъ плакалъ, пока не привыкнетъ обходиться безъ соски.

И соску пососали, хотя ея пустота видна уже изъ того простого соображенія, что нѣтъ ни малѣйшаго резона начинать сокращеніе трудовой цѣнности съ момента пріобрѣтенія пресловутымъ шелковымъ фабрикантомъ новыхъ машинъ. Развѣ раньше никакихъ усовершенствованныхъ орудій не вводилось? Количество труда, необходимаго на производство данной единицы товара, не уменьшалось? Производительность труда не росла?

Та-же мысль, но уже безъ соски, высказана и въ статьѣ П. Б. Струве [1]). „Прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ,—говоритъ онъ,—создается не только живымъ трудомъ, иначе говоря, M есть функція не одного только V. M есть функція C_1 (= $C+V$), т. е. всего общественнаго капитала. Но я иду еще дальше: установленная Марксомъ и всецѣло признаваемая мною зависимость между ростомъ одного изъ элементовъ постояннаго капитала—капитала основного—и ростомъ производительности труда даетъ полное право утверждать, что ростъ прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта зависитъ въ гораздо большей мѣрѣ отъ роста постояннаго капитала, чѣмъ отъ роста перемѣннаго капитала. Исторически прибавочная цѣнность, или прибавочный продуктъ (M) является по преимуществу функціей основного капитала“.

Хорошо. Но я иду еще дальше и берусь показать, что съ этой точки зрѣнія люди съ незапамятныхъ временъ никакихъ продуктовъ не производили—развѣ что иной разъ какой-нибудь Ноздревъ руками зайца поймаетъ. Машины, конечно, вещи большія; передъ ними, какъ предъ привезенной по телеграфу заграничной коровой въ разсказѣ Успенскаго, самъ урядникъ можетъ шапку снять, но и деревенская скотинка—все же корова.

Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Бастіа въ полемикѣ съ Прудономъ доказывалъ, что если, при помощи рубанка [2]) человѣкъ, изготовлявшій раньше за цѣлый день одну доску, сталъ изготовлять ихъ цѣлыхъ три, то двѣ доски сдѣланы въ сущности новымъ инструментомъ. Бастіа говорилъ о рубанкѣ, но кивалъ-то онъ все-таки на машины. Вѣрно, однако, то, что поскольку это разсужденіе имѣетъ смыслъ (или не имѣетъ его) въ примѣненіи къ машинамъ, постольку же оно относится и къ рубанку. Дальше, логика этого разсужденія „даетъ“ мнѣ „полное право утверждать“, что и единственная доска въ день, существовавшая до рубанка, являлась по преимуществу функціей топора. Безъ него не было-бы сдѣлано и одной и т. д. и т. д. Словомъ, относительно самыхъ первыхъ орудій придется, пожалуй, признать, что они сдѣланы людьми, но дальнѣйшія дѣлались уже орудіями, какъ и теперь машины производятся машинами; предметовъ-же потребленія люди, повидимому, никогда не производили.

[1]) „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности“. „Жизнь“ № 2. 1900 г.

[2]) А можетъ быть и другого ручного инструмента. Излагаю на память и ручаюсь лишь за смыслъ.

А съ другой стороны, вѣдь тогда-то только они и начали трудиться, когда завелись орудія. Росло употребленіе орудій, вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и трудъ. Глупые люди! Именно въ XIX вѣкѣ, когда машины достигли такого величія,—высочайшаго напряженія достигъ и ихъ трудъ. Лишь въ этомъ вѣкѣ узнали они ночную работу, въ этомъ вѣкѣ въ небывалыхъ размѣрахъ привлечены къ труду дѣти, до небывалой длины растянутъ рабочій день, а при наступившемъ въ крупной промышленности сокращеніи этого дня, трудъ оставшихся рабочихъ часовъ доведенъ до немыслимой въ прошлые вѣка интенсивности.

Перенесеніе прилагательнаго: *производительный* съ человѣческаго труда на основной капиталъ—кажется мнѣ единственнымъ, хотя и не новымъ возраженіемъ, которые наши критики дѣлаютъ реальному Марксу, а не его механической схемѣ.

Но я забѣжалъ впередъ, упоминая выводы Струве изъ его „непререкаемаго“, какъ ему кажется, упраздненія теоріи Маркса, не сказавъ еще ни слова о самомъ способѣ упраздненія.

Н. Карелинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.

Съ 1-го сентября по 1-е октября.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Спб., 1900 г. 87 стр.

Л. З. Яхнинъ. Сила воли или искусство владѣть собою. Спб., 1900 г. Ц. 70 к. 106 стр.

Кн. Г. Г. Гагаринъ. Воспоминанія о Карлѣ Брюлловѣ. Спб., 1900 г. Цѣна 40 к., 54 стр.

Посредничество по ввозу нѣмецкаго племенного скота въ Россію чрезъ Товарищество по сбыту скота въ Германіи. Спб., 1900 г. 23 стр.

Къ вопросу о проектѣ Министерства Народнаго просвѣщенія ввести дирекціи народныхъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ. Кіевъ, 1900. 18 стр.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. СПб., 1900 г. Ц. 1 р. 20 к. 194 стр.

А. А. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ крестьянскаго населенія. СПб., 1899 г., 41 стр.

В. Лермантовъ. Курсъ примѣнимой алгебры. Спб. 1900 г. Цѣна 1 рубль. 143 стр.

Проф. Б. Срезневскій. Возможность точнаго предсказанія погоды на какое угодно время впередъ. СПб., 1900 г. 11 стр.

А. П. Лидовъ. О полученіи трудно сгорающихъ углеродистыхъ газовъ. Харьковъ, 1900 г., 48 стр.

Обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ за шестой годъ его существованія. СПб. 1900 г. 321 стр.

Прессъ, Аркадій. Аристотель. СПб., 1900 г. Ц. 40 к., 52 стр.

Естественно-историческій музей Полтавскаго губернскаго земства. Описаніе коллекцій. Полтава, 1900 г. 90 стр.

С. В. Ястремскій. Падежные суффиксы въ якутскомъ языкѣ. (Этюдъ), изъ трудовъ якутской экспедиціи. Отдѣлъ II. Иркутскъ, 1898. Ц. 40 к., 50 стр.

М. Тихвинскій. Методъ и система современной химіи. Спб., 1900 г. Ц. 2 р. Изд. О. Н. Поповой. 340 стр.

Г. Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома (сокращенный переводъ О. Н. Поповой). Спб., 1900 г. Ц. 25 к. Изданіе О. Н. Поповой (съ 18 рисунками). 96 стр.

А. Ф — въ. Жизнь и стихотворенія Николая Алексѣевича Некрасова. Спб., 1900 г. Изд. О. Н. Поповой, 86 стр.

Естественно-Историческій музей Полтавскаго Губернскаго земства. Отчетъ за 1898 г. Полтава, 1899 г., 13 стр.

1900 годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

НОЯБРЬ

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Земельная неурядица и саморасправа на Кавказѣ: Хизанскій вопросъ, Колонизація, Сословный вопросъ, Государственные крестьяне и казенныя земли. Князя *Г. Туманова.* 1853

II. Замѣтки читателя по поводу упраздненія Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. *Н. Карелина* 1922

III. Къ вопросу о реформѣ русскаго алфавита. *С. Кулябки.* 1932

IV. О первобытномъ обществѣ. *П. Берлина* 1946

V. Европа до революціи 1789 года. Проф. *Филиппсона* . . 1964

VI. Еще о Шопенгауэрѣ. *С. Грузенберга* 1992

VII. Психологія въ политической экономіи. *М. Филиппова* . 1997

VIII. Дифференціальная рента и теорія цѣнности. *С. Прокоповича* 2019

IX. Научныя новости:

1. Полученіе катодическихъ лучей съ помощью ультрафіолетоваго свѣта (Annal. der Physiol.). 2. Хемотропическое движеніе капли ртути (Natur. Rundsch.) 2039

X. Новыя книги:

1. М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. *С. Ш.* 2. Шульце Гевернитцъ. Крупное производство въ Россіи. Пер. П. Авилова. *С. Семенова.* 3. Фалькенфельдъ. Марксъ и Нитцше. *П. Берлина* 2043

XI. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.

XII. Объявленія.

XIII. Приложеніе: XIX вѣкъ: *Профессора Филиппсона:* Успѣхи отдѣльныхъ народностей. Турки и Славяне, Аравія и Сѣверовосточная Африка, Русскіе въ Азіи, Китай въ новѣйшее время, Современное состояніе культуры въ Остъ-Индіи, Новѣйшая Японія, Развитіе культуры въ романской Америкѣ, Христіанство и европеизмъ въ чужихъ странахъ, Торговля людьми въ наше время. *Ольгерда Вильчинскаго:* Подвиги археологіи въ XIX вѣкѣ. *Стюарта Уэллера.* (Пер. А. Борисяка): Вѣкъ прогресса въ палеонтологіи. *В. Таліева.* Біологическія идеи второй половины XIX в. *Инж.-техн. Мельникова:* Идеалы техники наканунѣ XX вѣка.—Съ портретами выдающихся ученыхъ, философовъ, поэтовъ, композиторовъ и др. Листы 12—18.

ОТЪ КОНТОРЫ.

За перемѣну адреса, городскаго на иногородній или иногородняго на городской взимается **1** руб., городскаго на городской или иногородняго на иногородній—**20** коп.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. АВТОРОВЪ:

1) Присылаемыя статьи должны быть четко написаны и, по возможности, сшиты.

2) Статьи и письма, касающіяся условій гонорара, а также всѣхъ литературныхъ и научныхъ вопросовъ, слѣдуетъ адресовать не въ контору редакціи, *а исключительно по личному адресу редактора, безъ добавленія словъ: въ редакцію.* Просятъ посылать заказными бандеролями (не посылками) *безъ вложенія писемъ.*

3) При необозначеніи авторомъ условій гонорара, назначеніе и размѣръ такового зависитъ отъ редакціи.

4) Редакція **ни въ какомъ случаѣ** не ручается за помѣщеніе принятой статьи въ точно опредѣленный срокъ и время напечатанія назначается лишь предположительно.

5) Гонораръ выдается лишь за напечатанныя статьи *послѣ 10 числа каждаго мѣсяца.*

6) Непринятыя статьи возвращаются лишь въ томъ случаѣ, если приложены марки на обратную отсылку; въ противномъ случаѣ рукописи уничтожаются по минованіи 6-мѣсячнаго срока со дня полученія ихъ редакціей. Мелкія статьи (менѣе 10,000 буквъ) не возвращаются вовсе и по поводу ихъ редакція не вступаетъ въ переписку.

7) Срокъ разсмотрѣнія статей **одинъ мѣсяцъ** на кажд. печатн. листъ.

8) Гонораръ выдается ежемѣсячно съ 10 по 20 число.

Личный адресъ редактора слѣдующій:

Большой Сампсоніевскій пр., д. №. 6, кв. 7

д-ру философіи **М. М. Филиппову.**

Пріемъ по четвергамъ съ 1—4 ч.

Земельная неурядица въ Закавказьи.

Хизанскій вопросъ.

I.

Крестьянская реформа на Кавказѣ коснулась главнымъ образомъ крѣпостныхъ людей. Между тѣмъ, они являлись въ общей массѣ кавказскихъ крестьянъ лишь меньшинствомъ. Большинство же составляютъ государственные крестьяне, водворенные на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій, и устройство быта многихъ изъ этихъ крестьянъ, какъ показано въ другой нашей статьѣ, вовсе не начато, въ отношеніи же нѣкоторыхъ изъ нихъ приняты пока только полумѣры.

Тѣмъ легче было, казалось бы, устроить бытъ этихъ крестьянъ, что большинство ихъ не было стѣснено крѣпостною зависимостью и для своего благоденствія не требовало, такимъ образомъ, никакихъ жертвъ со стороны остальныхъ сословій. Тѣмъ не менѣе неразрѣшенныхъ крупныхъ поземельныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ государственныхъ крестьянъ, накопилось у кавказскаго начальства такъ много, что простое перечисленіе ихъ заняло бы добрую половину настоящей главы.

Главными препятствіями къ своевременному разрѣшенію названныхъ дѣлъ служили, во-первыхъ, органическій порокъ всякой бюрократіи вообще, и тѣмъ болѣе кавказской, составленной изъ пришлаго элемента, — а именно, полное равнодушіе къ живой дѣйствительности и полное незнакомство съ прошлою и современною жизнью населенія, съ его обычаями и экономическимъ положеніемъ, и, во-вторыхъ, естественное стремленіе лицъ привилегированнаго сословія пользоваться этою слабостью начальствующихъ лицъ для своихъ выгодъ,—для установленія, за отсутствіемъ закона, полнаго произвола въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ землѣ.

Нельзя сказать, чтобы если и не всѣ, то многія изъ вышеозначенныхъ дѣлъ не были предметомъ особой заботливости кавказскаго начальства. Ими занимаются и мѣстныя губернскія по крестьянскимъ и поселянскимъ дѣламъ присутствія, и совѣтъ

Въ настоящей статьѣ мы коснулись только 2—3 основныхъ положеній проекта, выработаннаго уполномоченнымъ министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ и разсмотрѣннаго представителями разныхъ вѣдомствъ въ Тифлисѣ. Но этотъ же проектъ касается и многихъ другихъ весьма существенныхъ вопросовъ: нормировки надѣловъ сообразно климатическимъ и почвеннымъ условіямъ разныхъ районовъ, установленія новыхъ правилъ пользованія лѣсомъ, поземельнаго устройства крестьянъ, живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, и проч. Желательно, чтобы и эти вопросы не остались безъ гласнаго обсужденія въ печати, со стороны лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ нашего крестьянства. Необходимо, чтобы эти лица откликнулись, такъ какъ на разрѣшеніе поставлены вопросы, рѣшающіе судьбу многихъ поколѣній производительнѣйшей части населенія.

Князь Г. Тумановъ.

Замѣтки читателя по поводу „упраздненія“ Туганомъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли.

(Окончаніе).

Струве точно также, какъ и Туганъ-Барановскій, пунктомъ для своего нападенія избираетъ объясненіе, данное Марксомъ тенденціи уровня прибыли капиталистовъ къ паденію. Выразивъ уровень прибыли или отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупному общественному капиталу въ видѣ дроби $\frac{M}{C+V}$, Струве спрашиваетъ себя: „Но что-же такое $\frac{M}{C+V}$ въ примѣненіи ко всему обществу?“ И отвѣчаетъ, что „M для всего общества означаетъ общественную прибавочную цѣнность, воплощенную въ общественномъ прибавочномъ продуктѣ, т. е. это—чистый или свободный продуктъ общества. Это та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественнаго труда, $\frac{M}{C+V}$ есть такимъ образомъ отношеніе чистаго дохода общества ко всему общественному капиталу“. Напомнивъ затѣмъ, что ростъ постояннаго капитала, какъ это понимаетъ и самъ Марксъ, является технико-экономическимъ выраженіемъ роста производительности общественнаго труда, Струве дѣлаетъ предположеніе, что читатель уже понялъ, въ чемъ заключается обѣщанная антиномія. Она такова:

„1) Свободный продуктъ или чистый доходъ общества, величиной котораго измѣряется производительность общественнаго труда, прогрессивно падаетъ по отношенію къ совокупному общественному капиталу.

2) Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала, т. е. фактомъ, составляющимъ тех-

нико-экономическій базисъ роста производительности общественнаго труда".

Дальше авторъ начинаетъ браниться: „Эта антиномія есть очевидная нелѣпость, но это—нелѣпость, логически вытекающая изъ положенія, что прибавочная цѣнность (прибавочный продуктъ) создается живымъ трудомъ, это—нелѣпость всей механической теоріи трудовой цѣнности". Затѣмъ слѣдуетъ „посрамленіе.... абсурдъ" все на той-же 300-й страницѣ.

Догадался, или не догадался заранѣе внимательный читатель, какая именно ожидаетъ его нелѣпость, онъ не можетъ не придти въ изумленіе предъ средствомъ, изготовленнымъ авторомъ для его покушенія на Маркса.

Прежде всего бросается въ глаза фраза, повторяющаяся затѣмъ на протяженіи всей статьи какъ лейтмотивъ и гласящая, что прибыль „это та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественнаго труда". Что это значитъ? Кѣмъ и когда ростъ производительности труда измѣрялся величиною прибыли? Мы знаемъ, что, по мнѣнію автора, прибавочная цѣнность создается не только живымъ трудомъ, но по преимуществу капиталомъ. Если-бы онъ сказалъ намъ, что прибыль есть та величина, которою измѣряется ростъ *производительности капитала*, можно бы понять, что онъ хочетъ сказать. Но, вѣдь, производительность капитала—это та теорія, которую предстоитъ еще водрузить на мѣсто „упраздненной" антиномію теоріи Маркса, а пока рѣчь идетъ о взглядахъ самого Маркса. Къ своему опредѣленію $\frac{M}{C+V}$ „въ примѣненіи ко всему обществу", Струве дѣлаетъ примѣчаніе, утверждающее, что „это пониманіе соотвѣтствуетъ вполнѣ пониманію самого Маркса, развиваемому имъ въ разныхъ мѣстахъ трехъ томовъ „Капитала" (см. въ особенности т. III 2, 353—356 том. ориг.)".

Я не вижу этого соотвѣтствія, но пока намъ нужно лишь отмѣтить, что антиномія выражаетъ претензію состоять изъ положеній, соотвѣтствующихъ взглядамъ самого Маркса.

По Марксу ростъ производительности труда проявляется въ томъ, что при помощи растущаго примѣненія машинъ, одинаковое число рабочихъ въ одинаковое время превращаетъ большую массу сырья въ продукты. Слѣдовательно и измѣряться ростъ производительности труда можетъ лишь ростомъ всего продукта чистаго и нечистаго, производимаго въ данномъ обществѣ. Онъ можетъ затѣмъ измѣряться паденіемъ доли заработной платы въ цѣнѣ продукта, а слѣдовательно его удешевленіемъ.

Уровень-же прибыли, въ смыслѣ Маркса, могъ бы служить

мѣриломъ роста производительности труда развѣ что по правилу обратной пропорціональности.

Кромѣ этой основной нелѣпости, авторъ вноситъ въ свою формулировку перваго члена антиноміи еще одну, на первый взглядъ простую неясность, которой, однако, онъ придаетъ, какъ увидимъ, капитальное значеніе. Это союзъ *или*—знакъ равенства—который онъ ставитъ между продуктомъ и прибылью (т. е. между продуктомъ и его цѣнностью), говоря о паденіи прибыли [1]). Такое отождествленіе продукта съ цѣнностью, разъ рѣчь идетъ объ измѣненіи—паденіи—послѣдней, вызываетъ представленіе о паденіи не только цѣнности продукта, но и его количества. За устраненіемъ всего этого, что же остается отъ антиноміи?

Производительность труда растетъ вмѣстѣ съ ростомъ постояннаго капитала, а уровень прибыли падаетъ: это просто два факта изъ міра дѣйствительности. Безъ отмѣченной нами собственности Струве, но не Маркса, антиномія заключается въ простомъ сопоставленіи фактовъ. Авторъ статьи фактовъ не отрицаетъ, но повидимому находитъ „нелѣпымъ" ихъ совмѣстное существованіе. Марксъ предлагаетъ намъ свое объясненіе этихъ фактовъ. Струве считаетъ объясненіе ошибочнымъ. Но никакого указанія на эту ошибочность изъ простого сопоставленія фактовъ, какимъ бы нелѣпымъ ни казалось вамъ ихъ сосуществованіе, произойти не можетъ. Сосуществованіе дано дѣйствительностью. Лишь своей, не имѣющей ни малѣйшаго смысла съ точки зрѣнія Маркса, вставкой, Струве сразу превращаетъ это сопоставленіе—не то чтобы въ антиномію—а въ полнѣйшій абсурдъ заставляя Маркса говорить одновременно, что производительность труда и падаетъ и растетъ и что это обстоятельство обусловлено ростомъ постояннаго капитала, т. е. той же самой производительностью труда. Но вычеркните только изъ этой безсмыслицы измѣреніе роста производительности труда величиною прибыли и вся „антиномія" даже въ собственной формулировкѣ автора превращается въ простое констатированіе фактовъ, даже не заключающее въ себѣ въ сущности никакого ихъ специфическаго толко-

---

[1]) Свое право на это *или* Струве выводитъ, повидимому, изъ того, что „прибавочная цѣнность для всего общества необходимо совпадаетъ съ прибавочнымъ продуктомъ." Совпадаетъ, конечно, но статически, въ производствѣ даннаго года. Это еще не значитъ, чтобы между ними можно было ставить знакъ равенства, говоря о ростѣ или паденіи. Падающая по своему уровню прибыль не только по Марксу, а даже и по Струве должна воплощаться въ возрастающемъ количествѣ продукта. Причинами паденія прибыли Струве считаетъ избыточное производство и конкурренцію между капиталистами. Какимъ же способомъ конкурренція понижаетъ прибыль, какъ не пониженіемъ цѣнъ „избыточнаго", т. е. возрастающаго количества продуктовъ?

ванія. Такъ какъ если падаетъ лишь уровень прибыли, а не ея масса, то нѣтъ необходимости стоять на точкѣ зрѣнія Маркса чтобы признать, что это паденіе „обусловливается“ ростомъ того капитала, въ процентномъ отношеніи къ которому высчитывается оставшаяся неизмѣнной по своей величинѣ или возростая масса прибыли.

Къ своему сложному „абсурду“ Струве дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Марксъ безбоязненно формулируетъ этотъ абсурдъ: „Прогрессивная тенденція всеобщаго уровня прибыли къ паденію есть, такимъ образомъ, лишь присущее капиталистическому способу производства выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда“. Марксъ, однако, не замѣчаетъ, что въ его формулировкѣ законъ паденія уровня прибыли выражаетъ фактъ независимый отъ капиталистическаго производства какъ такового, т. е. отъ его соціальнаго характера. Болѣе быстрое возрастаніе C, сравнительно съ V, есть по Марксу признакъ всякаго развивающаго свои производительныя силы хозяйства, признакъ расширенія власти человѣка надъприродой. Поэтому нельзя сказать, что выставленная нами основная антиномія теоріи трудовой цѣнности есть реальное противорѣчіе самого капиталистическаго производства“. Затѣмъ, снова сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ мимоходомъ, Струве настаиваетъ на томъ, что уровень прибыли есть исключительно *цѣнностное* отношеніе, тамъ, гдѣ нѣтъ цѣнностной соизмѣримости оно не имѣетъ смысла. „Нечего и говорить о томъ, что самъ Марксъ разсматриваетъ $\frac{M}{C_1}$ [1]) какъ цѣнностное отношеніе. Это слѣдуетъ запомнить.

Въ только что цитированномъ примѣчаніи имѣется нѣкоторый опредѣленный, уловимый смыслъ, и этотъ смыслъ показываетъ такое стараніе (вѣроятно вызванное какими-то высшими научными соображеніями) *не понимать* Маркса и тѣмъ самымъ заставить и насъ, читателей, перестать понимать его, что я, вопреки всѣмъ заклятіямъ, чувствую потребность заняться „перефразировкой“ и сообщеніемъ „извѣстныхъ догмъ“, т. е. напомнить дѣйствительный смыслъ ученія Маркса объ уровнѣ прибыли.

Мы знаемъ, что Марксъ разсматриваетъ составъ капитала въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи пропорціи между цѣнностью постояннаго и перемѣннаго капитала (цѣнностный составъ) и пропорціи между матеріальной массой, изъ которой состоитъ постоянный капиталъ и количествомъ труда, необходимаго для производства продукта (техническій составъ капитала). Повышеніемъ

[1]) Упразднивъ, за негодностью, дѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, авторъ обозначаетъ такимъ образомъ формулу $\frac{M}{C+V}$.

общаго, органическаго состава капитала Марксъ называетъ повышеніе его цѣнностнаго состава, поскольку оно обусловливается его повышеніемъ въ техническомъ отношеніи и, говоря объ этомъ повышеніи, всегда предполагаетъ, что цѣнность постояннаго капитала возрастаетъ вслѣдствіе роста его матеріальной массы, т. е. *производительности труда*. Простое вздорожаніе постояннаго капитала въ какой-нибудь отрасли промышленности, безъ увеличенія его массы, вызвало-бы цѣнностное, но не органическое повышеніе состава ея капитала. Съ другой стороны, если-бы то-же самое число рабочихъ начало превращать большую массу матеріала въ продуктъ, но этотъ матеріалъ въ то-же время пропорціонально упалъ-бы въ цѣнѣ, получилось-бы техническое, но не цѣнностное, а потому и не органическое повышеніе состава капитала. Паденія уровня прибыли оно-бы не вызвало.

Струве глубоко ошибается, когда утверждаетъ, что „болѣе быстрое возрастаніе C (постояннаго капитала) сравнительно съ V (заработной платы) есть по Марксу *признакъ всякаго* развивающаго свои производительныя силы хозяйства“. Марксъ отлично зналъ, что для проявленія такого „признака“ необходимы капиталисты и наемные рабочіе, имѣющіеся не во „всякомъ“ хозяйствѣ. Несомнѣнно, однако, что во всякомъ прогрессирующемъ хозяйствѣ замѣчаются признаки, соотвѣтствующіе повышенію техническаго состава капитала: при томъ-же количествѣ труда люди начинаютъ превращать большую массу средствъ производства въ продуктъ. Это-то вѣроятно и имѣлъ въ виду Струве, но онъ „не замѣчаетъ“, что для превращенія этого обстоятельства въ паденіе уровня прибыли, необходимы капиталисты, которые покупали-бы на рынкѣ, разросшіеся какъ по массѣ, такъ и по цѣнности, средства производства, для приложенія къ нимъ прежняго количества купленной рабочей силы. А для появленія такихъ капиталистовъ нужно, по меньшей мѣрѣ, отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, а въ дѣйствительности нужно и очень многое другое, т. е. все, что нужно для существованія самаго капиталистическаго производства.

Если въ хозяйствѣ, производящемъ полотно изъ выращеннаго на собственной землѣ льна, увеличится производительность труда ткача, скажемъ, вдвое, и хозяйство пожелаетъ имѣть вдвое больше полотна, ему придется вдвое увеличить свои трудовыя затраты на производство льна и пряжи. Если прежде трудъ ткача составлялъ $^1/_3$ всего труда надъ полотномъ, то окажется, что, увеличивши на $^2/_3$ свои расходы, хозяйство получило вдвое больше продукта. Понадобился, правда, лишній трудъ на улучшеніе станковъ. Можно поэтому предположить, что трудъ увеличился не на $^2/_3$, а на $^3/_4$.

Переведя все это на мѣновую цѣнность и принимая ея возрастаніе равнымъ возрастанію трудовыхъ затратъ, мы увидимъ, правда, что двойно число аршинъ полотна стоитъ не вдвое, а лишь на $^3/_4$ больше прежняго. Въ качествѣ льновода, прядильщика и производителя станковъ хозяйство получаетъ за вдвое большій трудъ, вдвое большее вознагражденіе которое можно для аналогіи раздѣлить, коли угодно, на заработную плату и прибыль, откладываемую въ кубышку. Въ качествѣ ткача, хозяйство за прежнее количество труда получаетъ прежнее вознагражденіе, хотя и превращаетъ теперь въ одинаковое время вдвое большую массу пряжи въ полотно. Но вѣдь одно изъ двухъ: либо въ качествѣ ткача оно выручаетъ на полотнѣ все вознагражденіе и прядильщика и льновода; либо — высчитывая вознагражденіе для каждой стадіи производства отдѣльно— оно, какъ прядильщикъ, а затѣмъ, какъ ткачъ, получаетъ постоянный капиталъ (ленъ и пряжу) даромъ, и не имѣетъ ни малѣйшаго резона высчитывать свое вознагражденіе въ процентномъ отношеніи къ нему.

Въ капиталистическомъ хозяйствѣ количество всѣхъ продуктовъ какъ „чистыхъ“ (вырученная цѣна которыхъ составляетъ прибыль капиталистовъ), такъ и всѣхъ остальныхъ (цѣна которыхъ идетъ на покупку элементовъ C и на уплату рабочимъ) растетъ пропорціонально количественному росту сырья и полуфабрикатовъ и улучшенію орудій труда. Ростъ двухъ первыхъ элементовъ C есть ростъ самаго продукта на различныхъ ступеняхъ его изготовленія. Если-же мы возьмемъ ростъ продукта какъ такового и сравнимъ его съ ростомъ цѣнности постояннаго капитала, то окажется, какъ по теоріи, такъ и по исторіи, что количество продуктовъ расло въ нѣсколько разъ быстрѣе роста цѣнности C, такъ какъ элементы тоже удешевлялись, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ продукты. Иными словами: производительность труда расла быстрѣе на верхнихъ ступеняхъ процесса превращенія, взятаго у природы вещества, въ потребительныя цѣнности, чѣмъ на нижнихъ.

До послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, капитализмъ развивался по преимуществу въ обрабатывающей промышленности и въ его образцовой странѣ, Англіи, хлопчато-бумажная промышленность настолько преобладала надъ другими, что тенденціи, пересиливавшія въ этой отрасли, становились общими тенденціями ея хозяйства. Здѣсь масса хлопка возрастала въ такой-же пропорціи, какъ и масса изготовляемой изъ него пряжи и тканей, но его цѣна падала гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣна тканей. Это значитъ, что въ ростѣ производства хлопка увеличеніе производительности того-же количества труда (производство большаго количества продукта при уменьшеніи издержекъ на производство его единицы) играло меньшую роль, чѣмъ абсолютный ростъ числа занятыхъ рабочихъ (производство большаго количества продукта при тѣхъ-же издержкахъ на его единицу). За то процессъ производства сильно сократился въ области прядильно-ткацкой промышленности. Здѣсь производительность труда расла во много разъ сильнѣе его количества. Въ каждой штукѣ миткаля доля принадлежащаго капиталистамъ труда какъ оплаченнаго (V), такъ и неоплаченнаго (M), все уменьшалась, а они были вынуждены прикладывать ее къ купленному хлопку, доля котораго падала въ нѣсколько разъ медленнѣе ихъ доли.

Вліяніе этого обстоятельства на уровень прибыли въ хлопчато-бумажной промышленности несомнѣнно замедлялось, отчасти парализовалось уравненіемъ съ другими отраслями, гдѣ производительность труда расла такъ быстро или гдѣ сырье не играло такой роли въ цѣнѣ продукта. И, тѣмъ не менѣе, взгляните на таблицы, приведенныя Шульце-Геверницемъ: съ конца XVIII вѣка разница между цѣной фунта пряжи и цѣною входящаго въ этотъ фунтъ хлопка, т. е. между цѣною хлопка и всѣми издержками на его превращеніе въ пряжу, включая сюда и прибыль, понизились съ 14 шиллинговъ до $2^7/_8$ пенса (1892 г.), т. е. въ $58^1/_2$ разъ; цѣна-же хлопка понизилась за то-же время съ 2 шил. до $4^7/_8$ пенса, т. е. почти впятеро только. Изъ этихъ-же таблицъ вмѣстѣ съ расчетами уменьшенія стоимости труда и другихъ элементовъ цѣнности на фунтъ пряжи, правильность отношенія между паденіемъ доли перемѣннаго капитала и прибыли бросается въ глаза [1]).

[1]) „Крупное производство“. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве стран. 48 и 88, 58, 135 и др. Вставлять въ рамку Маркса „реалистическія теоріи“ людей, стоящихъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, думается мнѣ, совсѣмъ пустое занятіе. Но всѣ факты дѣйствительности, всѣ вѣрныя данныя, кѣмъ-бы ни были они собраны, входятъ въ картину Маркса, не нарушая въ ней ни одного штриха. Однимъ изъ выискиваемыхъ „противорѣчій“ теорій Маркса съ фактами считается благосостояніе верхняго милліона англійскихъ рабочихъ, обыкновенно называемаго при этомъ для краткости, должно быть, „рабочимъ классомъ“. Марксъ дѣйствительно говорилъ, что цѣна рабочей силы соотвѣтствуетъ издержкамъ на ея воспроизводство, предполагая при этомъ конкурренцію между рабочими и легкость ихъ перехода изъ одной отрасли производства въ другую. Но, по мѣрѣ усовершенствованія организацій Тредуніоновъ, шедшаго параллельно и въ тѣсной зависимости съ громаднымъ усиленіемъ интенсивности труда въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ промышленности, полубольные отъ лишеній рабочіе, остававшіеся за предѣлами Тредуніоновъ, могли все меньше и меньше замѣнять членовъ этихъ организацій. Такимъ образомъ, организованные рабочіе нѣсколькихъ отраслей промышленности вышли изъ подъ дѣйствія конкурренціи съ большинствомъ рабочаго класса, стали нѣкоторымъ образомъ монополис-

Выводя паденіе уровня прибыли какимъ-то „механическимъ“ способомъ изъ формулы $\frac{M}{C+V}$, и Струве и Туганъ-Барановскій придаютъ ему въ теоріи Маркса гораздо болѣе абсолютное и „основное“ значеніе, чѣмъ оно имѣетъ въ „Капиталѣ“. Струве считаетъ даже „уровень прибыли въ смыслѣ Маркса... совершенно независимымъ отъ общественныхъ условій производства“ и на этомъ-то измѣненіи смысла основываетъ, повидимому, все свое посрамленіе теоріи Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ *смыслѣ настоящаго Маркса* общій уровень прибыли и его паденіе имѣютъ и мѣсто и смыслъ *только въ капиталистическомъ хозяйствѣ*, то изъ выведенія этого *паденія* за предѣлы капитализма, неизбѣжно получается безсмыслица.

Туганъ-Барановскій остается въ предѣлахъ капитализма, но утверждаетъ, что благодаря „колоссальной ошибкѣ“ Маркса „получился мнимый законъ тенденціи нормы прибыли къ паденію, противорѣчащій всѣмъ извѣстнымъ фактамъ (?!) и совершенно несостоятельный теоретически. Получился удивительный выводъ что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ ниже процентъ капиталиста, откуда оставалось заключить, что капиталистъ заинтересованъ не въ повышеніи, а въ пониженіи производительности труда до возможнаго минимума. Машины... оказались, по этой теоріи, злѣйшими врагами фабриканта. И пока секретъ не былъ открытъ въ манускриптѣ Маркса, ни одному фабриканту и въ голову не приходило, что, замѣщая рабочихъ машинами, онъ роетъ самъ себѣ яму!“.

Да откуда-же взялъ Туганъ-Барановскій, что въ паденіи уровня прибыли заключается та яма, которую роетъ себѣ капитализмъ? Едва-ли изъ „манускриптовъ Маркса“. Нечего и говорить, что капиталистъ, удачно примѣнившій усовершенствованные способы производства на своей фабрикѣ, роетъ яму не себѣ, а своимъ слабѣйшимъ соперникамъ. Отдѣльному капиталисту, какъ таковому, до обогащенія всего класса капиталистовъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Но и теоретики этого класса могли безъ всякаго ужаса созерцать объясненное Марксомъ фактическое паденіе уровня прибыли, при громадномъ ростѣ ея массы вслѣдствіе усиленнаго накопленія и расширенія производства. Вѣдъ 20% прибыли на 10.000,000 капитала все-же въ 4 раза и больше и пріятнѣе 50% прибыли на капиталъ въ 1.000,000. Рошеръ находилъ даже, что умѣренный % на большій капиталъ „разумнѣе и человѣчнѣе“ большого процента на маленькій.

Но не только это. Между техническимъ и цѣнностнымъ повышеніемъ состава капитала существуетъ тѣсное, но далеко не полное соотношеніе. Оно гораздо полнѣе, конечно, въ обрабатывающей промышленности, гдѣ объектомъ труда является матеріалъ, уже прошедшій черезъ рабочія руки и вышедшій въ качествѣ продукта изъ другой отрасли производства. Эта промышленность преобладала въ историческомъ ростѣ развивавшагося капитализма. Марксъ объяснилъ намъ его тенденціи и это объясненіе осталось бы во всей своей силѣ, теорія Маркса не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба, если-бы, въ какой нибудь капиталистической странѣ главная масса капиталовъ сосредоточилась бы въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ростъ производительности труда могъ-бы сопровождаться пропорціональнымъ паденіемъ цѣнности постояннаго капитала въ единицѣ продукта, хотя здѣсь этотъ ростъ вызывалъ-бы тенденцію къ паденію скорѣе *массы*, нежели уровня прибыли.

Но вернемся къ „антиноміи“ Струве. „Намъ могутъ возразить“, продолжаетъ онъ вслѣдъ за цитированнымъ нами мѣстомъ, „что $\frac{M}{C_1}$, т. е. отношеніе прибавочной цѣнности (прибавочнаго продукта) ко всему капиталу не можетъ служить показателемъ производительности труда, что для послѣдней характеренъ абсолютный размѣръ M, а не отношеніе его къ C_1. Это, однако, совершенно невѣрно: производительность труда измѣряется именно отношеніемъ (цѣнностнымъ) свободнаго продукта къ затратамъ на его производство, и если это отношеніе падаетъ, то это значитъ, что производство свободнаго продукта становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе“...

„Въ капиталистическомъ обществѣ,—говоритъ далѣе Струве,—всякая доля капитала, независимо отъ своей формы, должна приносить одинаковые „плоды“, въ одинаковый промежутокъ времени“. Съ точки зрѣнія капиталиста все это совершенно вѣрно, всѣ доли его капитала, въ какой-бы онѣ тамъ ни были формѣ, всегда дол

тами работы въ этихъ отрасляхъ. Высота ихъ заработной платы такъ-же мало противорѣчитъ теоріи Маркса, какъ противорѣчилъ-бы ей ростъ прибыли въ какой-нибудь отрасли промышленности, продукты которой продавались-бы по монопольнымъ цѣнамъ. Шульце-Геверницъ разсказываетъ, что за угощеніемъ, предложеннымъ ему хлопчато-бумажными рабочими, (которыхъ онъ считаетъ, по ихъ благосостоянію, вполнѣ достойными сопричислиться къ среднему классу Англіи), объ участи милліоновъ низшаго класса напомнилъ присутствующимъ бывшій тутъ-же священникъ, но встрѣтилъ сочувствіе только среди женщинъ. Шульце-Геверницъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Германіи носителями „аналогичнаго (высказаннаго священникомъ) соціальнаго идеализма“ являются сами рабочіе, тогда какъ въ Англіи рабочіе мужчины о подобныхъ идеализмахъ и слышать не хотятъ. Но во всякомъ случаѣ низшій классъ, получающій „голодную“ заработную плату, въ современной Англіи не менѣе многочисленъ, чѣмъ 50—60 лѣтъ тому назадъ и „участь этого класса никогда даже въ 1842 году (считающемся самымъ бѣдственнымъ) по самой природѣ вещей не могла быть хуже“ (Ibid. стр. IV предисловія).

жны приносить ему одинаковые и именно денежные плоды. Но авторъ совершенно неправъ, утверждая далѣе, что „такъ разсуждаетъ не только капиталистъ, такъ долженъ разсуждать всякій раціонально хозяйничающій субъектъ, напримѣръ, планомѣрно хозяйствующее общество“. Ну, съ какой же стати? Такому обществу различныя доли его капитала могли-бы приносить самые разнообразные „плоды“. Усовершенствованныя машины могутъ приносить досугъ; обширныя, красивыя фабричныя зданія могутъ приносить здоровье и—вмѣсто совершеннаго безобразія—красоту родной странѣ, которую такой коллективный субъектъ можетъ полюбить той любовью, какою горожане любили въ эпоху возрожденія свои вольныя городскія республики. Да, мало-ли какіе могутъ быть плоды! Еще менѣе резонно утвержденіе автора, что для такого общества ростъ C по сравненію съ V можетъ быть „затруднителенъ“.

Заглянемъ въ тѣ страницы III т. „Капитала“, на которыя намъ „въ особенности“ указываетъ Струве. Здѣсь Марксъ касается мимоходомъ прибавочнаго труда въ некапиталистическомъ „планомѣрно хозяйствующемъ обществѣ“. Опредѣленное количество прибавочнаго, т. е. превышающаго данныя потребности труда понадобится и тамъ, для страхованія общества противъ случайностей и для прогрессивнаго расширенія процесса воспроизводства. Но при высшей формѣ общественнаго строя, матеріальныя условія которой капитализмъ подготовляетъ усиленнымъ развитіемъ производительности труда, прибавочный трудъ можетъ соединяться съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ всего количества труда, посвященнаго удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. И дѣйствительно, количество потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данную единицу времени, зависитъ всецѣло отъ производительности труда и можетъ быть очень велико, при очень незначительномъ числѣ посвященныхъ труду часовъ. Поэтому, какъ дѣйствительное богатство общества, такъ и возможность постояннаго расширенія процесса воспроизводства, зависятъ не отъ количества рабочаго времени, а отъ его производительности.

Все это относится, конечно, лишь къ обществу на высшей степени развитія, богатство котораго зависитъ отъ количества потребительныхъ цѣнностей, какъ зависѣло отъ нихъ на низшей, до развитія товарнаго производства. Богатство-же производителя товаровъ, какъ такового, зависитъ отъ ихъ цѣнности, цѣнность-же продуктовъ падаетъ вмѣстѣ съ ихъ размноженіемъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ роста производительности труда.

Марксъ не развиваетъ здѣсь этой противоположности, ясной изъ всѣхъ „трехъ томовъ Капитала“. Цѣль его отступленія совсѣмъ иная. Онъ настаиваетъ въ немъ на томъ обстоятельствѣ,

что область труда, посвященнаго удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, всегда останется царствомъ необходимости. Свобода въ области труда,—этого обмѣна вещества съ природою,—можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы объединенные производители подчинили этотъ процессъ своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ, и чтобы трудъ совершался съ наименьшей тратой силъ и въ возможно лучшихъ условіяхъ. Но онъ все-же останется областью необходимости. Лишь за его предѣлами начинается дѣйствительное царство свободы, развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, но можетъ процвѣтать лишь на основѣ необходимаго труда. Поэтому основнымъ условіемъ свободнаго развитія людей является возможно большее сокращеніе рабочаго дня.

Какое же затрудненіе можетъ доставить обществу, богатство котораго заключается въ потребительныхъ цѣнностяхъ, ростъ средствъ производства по сравненію съ количествомъ необходимаго рабочаго времени?

Если его капиталъ возросъ вдвое, это значитъ, что его фабричныя зданія, рудники, копи и проч., все устроено вдвое лучше, что у него вдвое больше запасовъ продукта на различныхъ ступеняхъ его приближенія къ окончанію, что его машины настолько усовершенствовались, что съ ихъ помощью онъ можетъ производить больше при меньшемъ количествѣ труда.

Размножившіеся продукты подешевѣютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, также и для этого общества, какъ по объективной оцѣнкѣ затратъ труда, которыхъ они стоили, такъ и по субъективной оцѣнкѣ ихъ полезности; но какая надобность такому обществу высчитывать свой подешевѣвшій продуктъ въ процентномъ отношеніи къ возросшему капиталу? Положимъ, что оно его высчитало и увидѣло, что продуктъ, по сравненію съ капиталомъ, упалъ по какой угодно оцѣнкѣ: и стало его больше и достается онъ легче.—Ну и слава Богу!

Факта паденія прибыли, какъ уже было упомянуто, Струве не отрицаетъ: „Но этотъ фактъ,—говоритъ онъ, отнюдь не находится въ такой механической зависимости отъ измѣненія органическаго состава капитала, какую утверждалъ Марксъ“. Струве утверждаетъ, что фактъ находится въ зависимости, кромѣ роста заработной платы, отъ того, „что капиталистическому строю присуща тенденція къ избыточному... производству и накопленію капитала... Наибольшую роль въ паденіи доли прибыли, т. е. доли капиталистовъ-предпринимателей, какъ мнѣ кажется, играетъ ихъ конкурренція между собою“.

Какъ будто Марксъ не видѣлъ, не указывалъ *этихъ* всѣмъ извѣстныхъ и всѣми признанныхъ причинъ тенденціи уровня при-

были къ паденію! Всѣ тенденціи капиталистическаго хозяйства, о которыхъ говорится въ „Капиталѣ“, предполагаютъ конкурренцію. Безъ нея не могло бы образоваться ни среднихъ цѣнъ, ни средняго для цѣлой страны уровня прибыли, не говоря уже о его паденіи.

Безъ конкурренціи не могъ-бы развиться и самъ, извѣстный намъ, капитализмъ, Марксъ не написалъ бы „Капитала“ и Струве его не упразднялъ бы.

Не знаю, что именно, кромѣ неодобренія Марксу, хочетъ Струве выразить эпитетомъ „механическая“, который онъ постоянно прилагаетъ также и къ теоріи цѣнности Маркса, но ясно, что механизмъ, посредствомъ котораго повышеніе органическаго состава капитала превращается въ соотвѣтствующее паденіе цѣнъ товаровъ, а слѣдовательно и уровня прибыли, заключается въ борьбѣ за рынокъ, въ конкурренціи. Марксъ нашелъ въ своемъ изслѣдованіи дальше этой, всѣмъ въ глаза кидающейся причины. Струве довольствуется конкурренціей. Его дѣло. Но онъ самъ-же утверждаетъ, что капиталы ростутъ („избыточное производство и накопленіе“), а прибыль падаетъ, и въ самую средину своего сообщенія о паденіи прибыли и его причинахъ онъ вставляетъ утвержденіе, что это происходитъ „несмотря на то, что уровень прибыли, въ смыслѣ Маркса, т. е. $\frac{M}{C}$, вопреки Марксу, возрастаетъ“.

И такъ, числитель уменьшается, знаменатель увеличивается и „несмотря“ на это, „вопреки Марксу“, ариѳметикѣ и здравому смыслу, дробь благополучно возрастаетъ.

Я высказалъ предположеніе о томъ смыслѣ, который вкладываетъ Струве въ таинственныя безсмыслицы, но признаю, что оно не вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ измѣренія роста производительности труда уровнемъ прибыли оно все-таки не объясняетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я предположилъ, что Струве выдѣляетъ техническое повышеніе состава капитала изъ органическаго его повышенія, очищаетъ такимъ образомъ матеріальный ростъ продукта отъ тѣхъ цѣнностныхъ отношеній, которыя онъ обусловливаетъ въ капиталистическомъ строѣ, но отъ которыхъ самъ по себѣ остается независимымъ, и въ результатѣ справедливо заключилъ, что ростъ C всюду ведетъ за собою ростъ производительности труда и продукта, независимо отъ общественныхъ условій. Отсюда его „антиномія“. У Маркса, когда рѣчь идетъ о паденіи дроби $\frac{M}{C+V}$, всегда подразумѣвается, конечно, паденіе цѣнности каждой единицы умножившагося продукта; Струве подставляетъ, вмѣсто этого паденія, простой ростъ самого продукта, сопровождающій возростаніе средствъ производства, и находитъ нелѣпымъ „паденіе“. Но почему-же, однако, Струве хочетъ измѣрять ростъ производительности труда величиною лишь того количества продукта, которое (смотря по общественнымъ условіямъ) отнимается у производителей, откладывается ими про запасъ, или идетъ на расширеніе производства, а не ростомъ всего продукта, какъ потребляемаго, такъ и непотребляемаго производителями — этого моя гипотеза не объясняетъ. Вѣдь величина прибавочнаго продукта, при всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, лишь косвенно связана съ ростомъ производительности труда, зависитъ не отъ нея одной, а отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, какъ это знаетъ и Струве. Ростъ же всего количества продукта, являясь прямымъ и непосредственнымъ результатомъ роста производительности того-же количества труда, не можетъ не быть ему строго пропорціональнымъ.

Я признаю, поэтому, что проникнуть въ точный смыслъ роста уровня прибыли „въ смыслѣ Маркса“ хотя и „вопреки ему“, „несмотря“ на паденіе этого уровня въ смыслѣ Струве, сможетъ лишь тотъ „реалистически“ мыслящій представитель „критическаго направленія“, которому доступно измѣреніе роста производительности труда уровнемъ прибыли.

Но каковы-бы ни были эти смыслы, остается несомнѣннымъ, какъ для насъ, простыхъ „ортодоксовъ“, такъ и для самого Струве, что всюду, гдѣ рѣчь идетъ о паденіи уровня прибыли, Марксъ говоритъ ни о чемъ иномъ, какъ о той самой простой, вульгарной прибыли капиталистовъ-предпринимателей, которая падаетъ и у самого Струве. Авторъ „антиноміи“ посрамляетъ, слѣдовательно, не тотъ смыслъ, который самъ Марксъ вкладываетъ въ свое объясненіе тенденціи уровня прибыли къ паденію, а лишь тотъ, который, по мнѣнію Струве, Марксъ *долженъ* былъ вкладывать и вложилъ бы въ томъ случаѣ, если-бы былъ надѣленъ такою-же ясностью мысли, какою обладаетъ самъ Струве.

Это научная критика? Это образчикъ реалистической науки?

Я говорилъ уже, что, по моему мнѣнію, производительность машинъ представляетъ собою единственный аргументъ, который наши критики противопоставляютъ настоящему Марксу.

Но тутъ по существу, по содержанію этого аргумента не можетъ быть спора. Мы всѣ согласны, что не только увеличеніемъ количества продуктовъ, но и самой возможностью производить ихъ, люди обязаны изобрѣтенію, а затѣмъ совершенствованію орудій труда. Туганъ-Барановскій хотѣлъ, правда, произвести какое-то разграниченіе между сдѣланнымъ людьми и орудіями. Такого разграниченія, на сколько-нибудь разумномъ, не произвольномъ основаніи, сдѣлать невозможно, такъ какъ люди и орудія

вообще несоизмѣримы. Но говорить-ли, что люди работаютъ орудіями труда, или орудія — людьми, — это уже дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

Послѣднее было-бы, конечно, оригинальнѣе, но мы, не стремящіеся, во что-бы то ни стало, къ новизнѣ и оригинальности, можемъ остаться при старой терминологіи, свойственной огромному большинству человѣческаго рода, которое съ незапамятныхъ временъ привыкло и говорить, и думать, и чувствовать, что работаютъ *люди*, какъ бы ни былъ производителенъ ихъ трудъ.

Н. Карелинъ.

Къ вопросу о реформѣ русскаго алфавита.

Не часто, но все-же иногда въ русской періодической печати и въ филологической литературѣ слышатся голоса, указывающіе на необходимость реформы современнаго русскаго алфавита, въ смыслѣ приведенія русской орѳографіи въ соотвѣтствіе съ фонетикой разговорной русской рѣчи. Такъ, и въ этомъ году, въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ г. Н. Благовѣщенскій поднимаетъ вопросъ „о необходимости уничтоженія буквы „ять“. „Просматривая — говоритъ онъ — новый алфавитъ, поданный печатникомъ гражданской азбуки, въ которомъ было 48 буквъ, Петръ Великій уничтожилъ лишнія буквы, но былъ чѣмъ-то отвлеченъ, не дойдя до буквъ „ять“, „ѳиты“ и „ижицы“, а печатникъ не рѣшился окончить случайно неоконченное Петромъ дѣло выбрасыванія изъ алфавита лишнихъ буквъ. Такъ, благодаря случайности, онѣ и остались на смущеніе обучающихся русской грамотѣ“ (стран. 131-я). Смущеніе это испытываютъ и русскіе, и иностранцы, и учащіеся, и обучающіе русской грамотѣ, такъ какъ употребленіе буквы „ять“ не можетъ быть объяснено никакими общими правилами. Наука правильной постановки буквы „ять“ до того была затруднительна и не давалась русскимъ грамотѣямъ, что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ данъ былъ указъ, до сихъ поръ не отмѣненный и помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ № 980, въ которомъ сказано, что никому нельзя ставить въ вину изображеніе словъ черезъ *е* или черезъ *ѣ* (страница 137-я).

Не могъ справиться съ правильнымъ употребленіемъ буквы *ѣ* и императоръ Николай I и однажды, особенно этимъ разозленный, онъ спросилъ у Греча: „Скажи, Гречъ, зачѣмъ у насъ буква „ять“? — „Это знакъ отличія грамотныхъ отъ неграмотныхъ“, съострилъ Гречъ,—и буква „ять“ опять осталась въ алфавитѣ. „Еслибъ,—полагаетъ г. Благовѣщенскій—императоръ Николай I задалъ этотъ вопросъ Пушкину,—великій поэтъ сумѣлъ-бы похоронить ненужную, вредную букву“ (стран. 133-я). Видоизмѣняя